

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ТОМЪ VIII.

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПУШКИНА и ШАВЧЕНКИ.

Neue Gedichte von Puschkin und Schafftschenko.

ЛЕЙПЦИГЪ, | LEIPZIG,
Вольфгангъ Гергардъ. | Wolfgang Gerhard.

1859.

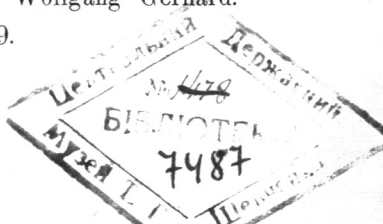
НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПУШКИНА и ШАВЧЕНКИ.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

1859.

Молитва.

Я слышалъ — въ келии простой
Старикъ — молитвою чудесной,
Молился тихо предо мной:

„Отецъ людей! Отецъ небѣсный!
Да Имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да прійдетъ Царствіе Твое!
Да будетъ воля Твоя съ нами
Какъ въ небѣсахъ, такъ на земли!
Насущный хлѣбъ намъ ниспошли
Твоею щедрою рукою! —
И какъ прощаемъ мы людей,
Такъ насъ ничтожныхъ предъ Тобою,
Прости Отецъ своихъ дѣтей!
Не свергни насъ во искушенья!

И отъ лукаваго прельщенія
Избави насъ“.....

предъ крестомъ

Такъ онъ молился! Свѣтъ лампы

Мерцалъ чуть-чуть издалека....

А сердце чаяло отрады

Отъ той молитвы старика!

А. Пушкинъ.

Цапли.

Жиль, да былъ пѣтухъ индѣйскій,
Цаплѣ руку предложилъ,
При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ.
Онъ молилъ дѣтей какъ дара,
И слышалъ Саваоѣ:
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣтуховъ.
Цапли выросли, отстали
Отъ младенческихъ годовъ, —
Длины, очень длины стали
И глядятъ на куликовъ.
Вотъ пришла отцу забота
Цаплей замужъ выдавать;
Онъ за каждой три болота
При замужствѣ хочетъ дать;
Но комужъ придетъ охота
Цаплю замужъ себѣ взять?

Посланіе Аркадію Гавриловичу Родзянко.

Ты обѣщаль о романтизмѣ,
О семъ Парнаскомъ Аеизмѣ
Потолковать еще со мной
Полтавскихъ музъ повѣдать тайны,
А пишешь мнѣ объ ней одной...
Нѣтъ, это ясно, милый мой,
Нѣтъ, ты влюбленъ Пиронъ Украйны!

Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
На свѣтѣ женщины прекрасной?
Улыбка, взоръ ея очей
Дороже злата и честей
Дороже славы разногласной...
Поговоримъ опять объ ней.

Хвалю, мой другъ, ея охоту,
Поотдохнуть рожать дѣтей
Подобныхъ матери своей;
И щастливъ кто раздѣлитъ съ ней

Сію пріятную заботу —
Ненаведетъ она зѣвоту.
Дай Богъ чтобъ только Гименей
Межъ тѣмъ продлилъ свою дремоту.

Но не согласенъ я съ тобой,
Не ободряю я развода:
Во первыхъ, Вѣры долгъ святой,
Законъ и самая природа....

А во вторыхъ замѣчу я,
Благопрістойные мужья
Для умныхъ женъ необходимы;
При нихъ домашніе друзья
Иль чуть замѣтны, иль незримы.
Повѣрьте, милые мои:
Одно другому помогаетъ,
И солнце брака затмѣваетъ
Звѣзду стыдливую любви.

А. Пушкинъ.

1826 г.

Кавказъ. *)

За горами горы, хмарой помыты
Засіяны горемъ, кровью польты
Съ поконъ вѣку Прометея
Тамъ орелъ караетъ
Що день Божій добри ребра
И сердце розбиваетъ
Розбиваетъ та не выше
Живучои крови,
Вона знову оживаетъ.
И смѣтця знову
Не вмираетъ душа наша
Не вмираетъ воля
И насытій не выдере
На дни моря — поля

*) Слѣдующія стихотворенія были намъ присланы, на молороссійскомъ языкѣ, съ примѣчаніемъ что Стихи Шавченки — выраженіе всеобщихъ, накипѣвшихъ слезъ не онъ плачетъ о Украинѣ — она сама плачетъ его голосомъ.

Примѣч. Редактора.

Не скуе́ души живòи
 И живого слова
 Не понесе слава Бога
 Велькаго Бога!

Не намъ на при зъ тобою статьи,
 Не намъ дила твои судить,
 Намъ тильки плакать, плакать, плакать,
 И хлибъ насущный замисить,
 Кровавымъ потомъ и слюзами...
 Каты згнуцаютця надъ нами,
 А правда наша — пьяна спыть....
 Колыжъ воны прокоснутця?... Колыжъ од-
 почыты
 Дасы Боже утомленнымъ и намъ дасьè
 житы?...

Мы вируемъ твой сыли,
 И слову твоему,
 Встане правда, встане воля,
 И тоби Едному
 Поклонятца вси языки
 На ви́ки и вики!.....
 А покищо — течуть ри́ки,
 Кровавый ри́ки!.....

За горами горы хмарою повыты
 Засяны горемъ, кровью полыты

Оттòмъ то милостивымы
 Ненагодовану и гòду
 Застукамы сердешну долю
 Тай цькуемò лягли кисть мы
 Людей муштрованныхъ, чы мало?
 А сліозъ?... а крови... напоить отъ
 Всихъ Царскивъ бы стало
 Зъ дитьми и внуками
 Въ сліозахъ вдовыци и дивочихъ
 Пролытыхъ нышкомъ середь нòчи...
 А матернихъ горячихъ сліозъ!
 А батькиныхъ стòрыхъ кровавыхъ?
 Не реки — море розльмось —
 Огненне море —!... Слава, слава!
 Хортамъ и гончимъ и псарямъ
 И нашимъ батюшкамъ Царямъ
 Слава!
 И вамъ слава сыни гòры
 Крыгою окути
 И вамъ дыкари велики
 Богомъ незабуты...
 Борытця — побòрете! Вамъ Богъ помогае
 За васъ сыла, за васъ воля
 И правда святая!
 Чурèкъ и сакля все твоє

Воно непрóшене й не дане
 Нихто не визме за свое
 Не поведе тебе вѣ кайданы!...

 На те несчастны мы
 Чытаемъ Божіи глаголы
 И адъ глыбóкой тюрьмы
 Та до высокаго Престолу
 Уси мы вѣ золоти
 Мы не погани,
 Мы настоящи Христіане,
 Храмы, иконы,
 Все добре, самъ Богъ у насъ....
 Намъ тильки сакля вѣ очи коле
 Чогò вона стоить у васъ
 Не наши зано!... И чомъ мы вашъ
 Чурéкъ же вашъ, до вамъ некінемъ
 Якъ тій собàщи... и чомъ вы намъ
 Платить за сонце неповинни!...

 И тильки жъ то? мы малымъ сыты
 А зато колыбъ вы зъ нами подружылысь
 Богато-де чогò бѣ навчылысь:

У насъ же й свита якъ на те —
 Одна Сибирь неисходима!
 А тюрьмъ, а люду — що й лычить!
 Отъ молдаванына до Финна
 На всехъ языкахъ, вси молчатъ —
 Бо благоденствуемъ!... у насъ
 Святую Библию читае
 Святый Чернѣць и наукае
 Що царь якій — съ то свиній пасъ,
 Та дружно жинку взявъ за себе
 А друга вбывъ — теперь на неби....
 Ось бачь яки у насъ сыдятъ на неби!

Вы ще тѣмны
 Святымъ Хрестомъ непросвѣщенни
 У насъ научытеся.....
 У насъ — деры, деры — та дай
 Тай прямо въ рай
 Дочь и ридню всю забудай!

У насъ... Чого то мы не вмиемъ?!
 Французьки лаемъ, гричну сіемъ,
 Продаемъ, або у карты програемъ
 Людей..... — не Нѣгривъ, а такихъ
 Таки крещеныхъ, то простыхъ....
 Мы не Гишпане; крый насъ Боже!

Щобъ крадене перекупать и ож огни
 Якъ ти жиды... мы по закону!

По закону Апостола

Вы любите брата

— Суесловы лицемъры

Господомъ прокляты!

Вы любите на братови шкуру

А не душу — той луныни позакону!

Доци на кожушокъ

Жинци на потымки

Байстриюкови на придане

Собижъ на тѣ, чого не знаютъ

Ни диты, ни жинка.

За кого жъ ты распынався

Хрысте Сыне Божій!

За насъ добрыхъ, чы за слово истинны?

Чье може, щобъ за тебе насміямысь?

Воно жъ такъ и сталося!!!... —

Храмы, каплыщи и иконы

И стóлпыми и мирры дымъ

И передъ образомъ Твоимъ

Неутомленній поклоны,

За кражу, за війну, за кровь,

Що братню кровь прольоти просятъ

А потимъ въ даръ Тоби приносятъ

Съ пожару вкраденный покровъ.

Просвѣтылись, та ще хочемъ другихъ про-
свѣтыты

Сонце правды показать, слѣпымъ, бачымъ,
дытямъ

Всему научимъ — тильки дайте себя въ руки
взяты

Якъ и тюрьмы муроваты

Кайданы коваты,

Якъ ихъ носѣтъ, и якъ щести

Кнуты узловаты;

Всему научимъ, тильки дайте свои гòры,
Остатки гòры — бо все взяды и поле и море.

И тебе загналы мій друже единый

Мій Якове добрый! — Не за Украину,

А за ий ката доведось пролить

Кровь добру, не чорну, — доведось запыть

Зъ Москòвскои царки, Московску отраву

О, друже мій добрый, друже незабутый,

Живòю душòю въ Украини вытай;

Литай зъ козакомъ по надь берегамы

Розрыты могылы въ степу выгладай,

Заплачь зъ козаками дрибными слюзамаы,

И мене зъ неволи въ степу выгладай.

Щавченко.

Холодный Яръ.

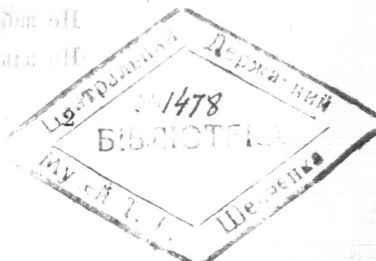
У всякого свое лыхо
И въ мене те лыхо
Хочь не свое, позычене
А все таки лыхо.
Нащобъ бацьця тѣ згадувать
Що давно мынуло,
Будыть Богъ знае колышне
Добре що заснуло.
Хочь и яръ той: воне до ідо
И стежки малѣи
Не осталось и здаеця
И то ништо й ногою
Не ступывъ тамъ, а згадаешъ,
То була й дорога
Зъ монастыра Мотрынова
До яру страшного
Въ яры колысь Гайдамѣки
Таборомъ стоялы
Догодымы самопалы,

Ратышо стругалы,
У яръ тоди сходылыся,
Мовъ изъ хреста зняты
Батько зъ сыномъ, а братъ зъ братомъ
Одностойне статно
На ворога лукаваго
На лютаго Ляха,
Дежь ты дився въ яръ глыбокій
Протоптаный шляху?
Чы самъ зорисъ темнымъ лисомъ,
Чы то засадили
Нови каты? Щобъ до тебе
Люде не ходили.
На параду що имъ дѣять
Зъ добрыми панами,
Людоидами лыхыми,
Новыми Ляхами,
Не сховаете, — надъ Яромъ
Зализнякъ вытѣе
И на Умань позырѣе
Гонту выглядае,
Не ховайте, не топчите
Святого закона,
Не зовите преподобнымъ
Лютого Нерона.
Не славтесея царевою

Святою войною
 Бо вы й сами не знаете
 Що царьки нють; —
 А крычтє, що несетє —
 И душу и шкуру
 За отечество... Ей Богу
 Овеча натура!
 Дурный тыю подставляе
 И не знае за що,
 То ще й Гонту зневажае,
 Ледаче, ледащо:
 „Гайдамакы не воины
 „Разбойники, воры,
 „Пятно въ нашей Исторіи!“...
 Брешешь, людоморе!
 За святую правду — волю
 Розбійнымъ не стане
 Не роскує закованный
 У ваши кайданы
 Народъ тёмный;
 Не зариже лукавого сына
 Не розибье живє сєрце
 За свою Краину.
 Вы разбойники несыты
 Голодни вороны;
 По якому правдывому

Святому закону —
 И землю всимъ данною
 И сердешнымъ людомъ
 Торгуете.... стережытцяжъ
 Бо лихо вамъ буде
 Тяжко лихо! Дурытъ дитей
 И брата слипого,
 Дурытъ себя, чужыхъ людей
 Но недурить Бога
 Бо въ день радости надъ вами
 Роспадетца кàра
 И повие новій огонь
 Съ Холоднаго Яра! —

Шавченко.

Подывись теперь на матеръ
На свою Краину,
Що колытучи спивала
Про свою недолю
Що спиваючи рыдала
Выглядала волю.
Ой Богдане Богданочку,
Якъ бы була, знала,
У колысци бѣ придутыла,
Подъ серцемъ приспала,
Степы мои запродани
Жидови, Нымоти
Сыны мои на чужыни,
На чужій работи,
Днипрѣ, братъ мій, высыхае
Мене покидае,
И могилы мои милы
Москаль розрывае...
Нехай рые, роскопуе
Не свое шукае...
А тымъ часомъ перѣвертни
Нехай пидростають,
Та поможуть Москалеви
Господароваты...
Та зъ матери (полѣтану
Сорочку здѣяматы...

Помогайте недовчодны,
 Матирь катуваты...
 На четверо роскопала
 Розрыта могила,
 Чого воны тамъ шукалы
 Що тамъ схороннымы
 Стары батьки? — Эхъ якъ бы — то,
 Якъ бы то знайтвы те, що тамъ схороннымы,
 Не плакалы бь диты, матибь, не рыдала!

Шавченко.

Думка.

За думою дума роємъ вылітає
 Одна давить сердце, друга роздырає
 А третяя тихо, тихесенько плаче
 У самому серци, може й Богъ небачить
 Кому жъ їй покажу я
 И хто тую молу
 Привитое, угодає,
 Велькее слово?
 Все оглухлы, похилымысь
 Въ кайданахъ — байду же...
 Ты смієшся, а я плачу
 Велькій мій друже,
 А що вродить зъ того плачу?
 Богиньова брате.....
 Незаревуть въ України
 Вольній гармáты,
 Не заріже батько сына,
 Своєи дитыны,

За честь, славу, за братерство
 За волю Краины;
 Не зариже, выкохае
 То й продасть въ ризныци
 Москалеви.... цебъ тобачышь
 Лепто у довыцы,
 Престолови, отечеству,
 То Ньмоти плата —
 Нехай брате — а мы будемъ
 Смятця, та плакаты.

Шавченко.

И мертвымъ и живымъ и ненарожденнымъ землякамъ моимъ въ Украини и не въ Украини, мое дружное посланіе.

Аще кто речеть, яколюблю
Бога а брата своего ненавидитъ
— ложь есть. Иоанн. гл. IV ст. 20

И смеркае и свитае
День Божій минае
И знову людъ потомленный
И все спочивае.
Только я мовъ окаянный
День и ночь блукаю
На распуттяхъ велелюдныхъ
И ништо небачить
И небачить и незнае;
Оглухлы, нечуютъ,
И Господа вневожають
Людей запрягають
Въ тяжки ярма. Орють лихо,

Дыхомъ засивають
 А що вродить? Побачью
 Яки будуть жныва!
 Схаменьтця недолюдни
 Диты юродывы,
 Подывитця на край тихій
 На свою Краину;
 Полюбите щирымъ сердцемъ
 Вельку руину!
 Раскуйтеся, братайтеся;
 У чужому краю —
 Не шукайте, не пытайте
 Того що немае
 И на неби, а нетильки
 На чужому полю;
 Въ свой хати — своя правда
 И сыла и воля! —

Нема на свити України
 Немае другого Днипра
 А вы претєся на чужбину
 Шукаты добраго добра,
 Добра святаго, воли, воли!
 Братерства братняго! Найшлы —
 Неслы, неслы зъ чужого поля
 И въ Украину принесли

Велькихъ словъ, велькихъ силу —
 Тай бильше ничого. Крычите
 Що Богъ создавъ васъ не на те,
 Щобъ вы неправди поклонялись! —
 И хилытєсь якъ хилымысь,
 И знову шкуру деретє
 Зъ бративъ незрячихъ, гричкосивъ,
 И сонця правды дозривать.
 Въ Нымєцьки земли, нечужий
 Претєся знову! Якъ бы взять
 И всю мистерію зъ собою
 Дидами крадене добрò,
 Тодибъ зостався сыротою
 Зъ святыми горами Днипрò! —

Отъ якъ бы те сталося, що бъ вы не вертылысь,
 Щобъ тамъ издыхалы де бы порослы
 Не плакалы бъ диты, маты бъ не рыдала,
 Не чулыбъ у Бога вашои хулы.

И сонце не грилобъ смердячого того
 На чыстїй, шорокій, на вольнїй земли,
 И люди бъ не знали що вы за орлы
 И не покивалы бъ на васъ головою! —

Схаменытця, будьте люде, —
 Бо лихо вамъ буде,

Раскуютця незаборомъ
 Заковани люде;
 Настане судъ: заговорятъ
 И Днипрò и горы,
 И потечè сто риками,
 Кровь у сыне море,
 Дитей вашихъ... И не буде
 Кому помогаты;
 Одцураетця братъ брата,
 И дитына маты;
 И дымъ хмарою заступить
 Сонце передъ вами,
 И на вики проклянетеся
 Своими сынами;
 Умылтеся! Образъ Божій
 Бачномъ не скверните,
 Не дурыте дитей вашихъ...
 Що вони на свити,
 На те тильки, щобы пануваты;
 Бо невечèне око
 Заглянè имъ въ саму душу,
 Глыбоко, глыбоко!
 Дознаютця небожата
 Чья на васъ шкура
 Тай засядуть... и премудрихъ
 Немудри одурять. —

Якъ бы взылысь, такъ якъ треба,
 Той мудрость бы була своя,
 А то зализете на небо:
 „И мы не мы, и я — не я.“
 „И все то бачывъ и все знаю
 „Нема ни пекла и ни раю
 „Нема и Бога — тильки я!...“
 Та куций нымець узловатый
 А бильшь никого.... добре брате,
 Що жъ ты такè? —
 „Нехай скаже
 „Нымець, мы не знаемъ!...“
 Оттакъ товы навчаєтесь
 У чужому краю!
 Нымець скаже: вы Моголы,
 „Моголы, Моголы,
 „Золотога Тамерлана
 „Онучаты голы!“
 Нымець скаже: вы Славяне,
 „Славяне, Славяне
 „Славныхъ прадицывъ велькихъ
 „Правнуки погани!“
 И Калыра читаете
 Зъ у сіеи свелье
 И Шафарика и Ганку
 И въ словянофиль

Такъ и претєсь... и вси мовы
 Славянскаго люду,
 Все знаете, ... а своєи
 Дастъ Богъ... колысь будешъ
 По своему глаголаты
 Якъ нѣмецъ покаже
 А до того й исторію
 Намъ нашу роскаже.
 Отгоди мы заходымось!
 Добре! заходьмысь!
 По Нѣмецкому показу
 Та й заговорылы,
 Такъ чтой нѣмецъ невторопѣ
 Учитель великій,
 А не те, щобъ прѣсти люде!
 А гвалту, а крыку!
 „И гармонія и сила!...“
 Музыка — та й годи
 А Исторія? „Поэма
 „Вольного народу,
 „Щоти Римляне убоги
 „Чорто зна що — не Бруты!
 „У насъ Бруты и Коклєсы,
 „Славни, незабуты;
 „У насъ воля выростала
 „Днипромъ умывалась,

„У головы горы клала
„Степомъ укрывалась!...“
Кровью вона умывалась
А спала на купахъ,
На казачкихъ вольныхъ трупахъ
Окраденныхъ трупахъ

Подивытця лишень добре
Прочитаите знову
Тую славу. Та читайте
Одъ слова до слова,
Не минайте а ни титла
Ниже ти комы,
Все разберыть,.... та спытайте
Тоди себе: що мы?
Чи диты? Якихъ батькивъ?
Кимъ, за що закути?
То й побачыте що... ось що,
Ваши славни Бруты:
Рабы пидныжки, грязь Москвы,
Варшавске смиття ваши паны
Ясневельможные гетьманы
Чого жъ вы чванытесе, вы,
Сыны сердешной Украины?
Що добре ходыте въ яри,

Ще лучше якъ батьки ходылы?
Не чваньтесь! Зъ васъ деруть ремень,
А зъ ихъ бувало й лій топылы.
Може чваньтесь, що братство
Вижу заступыло,
Що Сынопомъ, Трапезунтомъ
Галушки ворыло?
Правда, правда! Найдалысь,
А вамъ теперь водыть
И но Сичи мудрїй нымецъ
Картопельку садыть;
А вы ей купуете
Истè на здорыве
Та славите Запорожье...
А чьею кровью
Отà земля напоена,
Що картопля рóдыть?
Вамъ байду же... а бы добра
Була для горóду!
А чваньтèсь, щомы Польшу
Колысь завалылы;
Правда ваша Польша впàла
И васъ роздавыла!

Такъ ось якъ кровь свою лылы
Батьки за Москву и Варшаву

И вамъ сынамъ передады
Свои кайданы — свою славу.

Доборолась Украина
До самого краю,
Гирше Ляха свои диты
И роспинають.
Замісь пыва проведную
Кровь изъ реберъ точать
Просвитыты, кажуть, хочуть
Материны очи,
Современными огнями
Повесты за викомъ,
За Нымцями — недорику,
Слипую калику.
Добре! Ведыть, показуйте —
Нехай стара маты
Навчаецца, якъ дитей тыхъ
Новыхъ доглядаты.
Показуйте! за науку
Не турбуйтесь — буде
Материна добра плата;
Распадетца луда
На очахъ вашихъ несытыхъ...
Побачыте славу —
Живу славу дидывъ своихъ

И батькòвъ лукавыхъ!
Не дурите сами себе,
Учытесь, читайте
И чужому научайтесь
И своего нецурайтесь:
Бо это мать забувае,
Того диты цураютця
Въ хату не пускають,
Чужи люди прогоняють
И не мое злomu
На всей земли безконечной
Веселого дому.
Я рыдаю якъ згадаю
Дила незобути
Дидывъ нашихъ: тяжки дила!
Якъ бы ихъ забыты
Я отдавъ бы веселого
Вику половыну.
Отъ то она наша слава
Славо Украины!
Оттакъ и вы прочитайте
Щобъ не соннымъ снiлись,
Вси неправди, щобъ раскрылись
Высоки могилы
Передъ вашими очами
Щобы роспыталы —

Мученькивъ : кого, колы
Зáщо роспыналы !
Обнымитежь браты мои
Найменьшóго брата
Нехай маты усмихнетця
Заплаканы маты !
Благословить дитей своихъ
Твердыми руками
И жиночокъ поцнлуйте
Вольными устами.
И забудетця срамотна
Давняя годына
И оживè добра слава
Слава Украины !
И свить ясный, невечерній
Тыхо засіае...
Обнымытця жъ браты мои
Молю васъ, благаю.

Шавченко

В. Л. Пушкину.

Скажи парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ,
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонь Аполлону даромъ,
За честь не смѣетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?
Беллона, музы и Венера
Вотъ кажется святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца.
Я шлюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса Храбреца;
Но не на Глинку офицера
Довольно плоскаго пѣвца,
Не нужно мнѣ его примѣра...
Ты скажешь: перестань болтунъ!
Будь человекъ, а не драгунъ;

Парады, караулъ, ученья
Все это оды не внушить,
А только душу изсушить,
И къ Марину для награжденья
Быть можетъ прямо за коцить
Пошлютъ читать его творенья.
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Θεמידѣ —
Ты съ дипломатикой косою!
Кропай мой другъ посланья къ Лидѣ,
Оставь военные грѣхи,
И въ сладостяхъ успокоенья
Пиши сенатскія рѣшенья
И пятистопные стихи;
И не съ гусарскаго корнета —
Возьми примѣръ съ того поэта,
Съ того, котораго рука
Нарисовала Ермака,
Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта
И плѣнь могучаго Махмета,
И мужа модные рога;
Который милостію Бога
Министръ и сладостный пѣвецъ
Былъ строгой чести образецъ,
Какъ образецъ онъ будетъ слога.
Все такъ, почтенный дядя мой,

Почтенъ, кто глупости людской
 Рѣшитъ запутанные споры;
 Умень, кто хитрости рукой
 Переплетаетъ межъ собой
 Дипломатическіе вздоры
 И правитъ нашею судьбой.
 Смѣшенъ конечно мирный воинъ
 И эпиграммы самой злой
 Въ извѣстныхъ святцахъ онъ достоинъ.
 Что восхитительнѣй, живѣй,
 Войны, сраженій и пожаровъ,
 Кровавыхъ и пустыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
 И что завиднѣй кроткихъ дней
 Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
 Вдали забавъ и нѣгъ и грацій,
 Какъ жилъ безсмертный трусъ Гораций
 Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
 Не знаютъ свѣта принужденья,
 Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
 Даютъ обѣды и сраженья,
 Поютъ и рубятся въ бояхъ.
 Счастливъ, кто мидъ и страшенъ міру,
 О комъ за пѣсни, за дѣла

Гремитъ правдивая хвала,
Кто славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы враги трудовъ и славы
Питомца Феба и забавы
Вы мирной праздности друзья
Шепну вамъ на ухо вы правы
И съ вами соглашаюсь я!
Богъ создалъ для себя природу
Свой рай и счастье глущамъ,
Злословіе мужчинъ и моду
Конечно для забавы дамъ,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всѣхъ, — а намъ —
Уединенье и свободу!

А. Пушкинъ.

1817.

Цензору.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой!
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся, не хочу, прельщенный славой ложной
Цензуру поносить хулой неосторожной!
Что нужно Лондону, до рано для Москвы,
У насъ писатели я знаю каковы:
Ихъ мыслей не стягнетъ цензурная разправа,
И чистая душа передъ тобою права.
Во первыхъ искренно я признаюсь тебѣ,
Нерѣдко о твоей жалбѣ я судьбѣ:
Людской безмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Бушиной единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ ихъ грѣхи:
То прозу глузую, то глухие стихи!
Россійскихъ авторовъ нелегкая тревожитъ,
Тотъ англійскій романъ съ французскаго предложить,
Тотъ оду сочинить, потѣя и крехтя,
Другой трагедію напишетъ намъ шутя;
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, — а ты читай, бѣсися,
Зѣвай сто разъ, засни, а послѣ подпишися.
Нашъ цензоръ мученикъ; порой захочетъ онъ

Умъ чтеньемъ освѣжить : Руссо, Вольтеръ, Бюфонъ,
Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье ;
Но долженъ посвятить безмолвное вниманье
На бредни новыя какаго-то враля,
Которому досугъ пѣть рощи, да поля !
Да связь утратя въ нихъ, ищи ея сначала,
Или вымаравай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань,
Учтивыхъ авторовъ затѣйливую дань !
Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священнѣй,
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщеннѣй,
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ,
Но мнѣнья не тѣснить и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ,
Не преступаетъ онъ начертанныхъ уставовъ,
Закону преданный, отечество любя ;
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя ;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ ;
Онъ другъ писателей, предъ знатюю не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты глупецъ и трусъ ? что дѣлаешь ты съ нами ?
Гдѣ должнобъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешьъ,
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешьъ,
Сатиру — пасквилемъ, поэзію — развратомъ,

Гласъ правды — мятежемъ, Куница — Маратомъ,
Рѣшилъ, а тамъ поди, хоть на тебя проси.
Скажи, не стыдно-ли, что на святой Руси
Благодаря тебѣ не видимъ книгъ досель?
И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
То славу русскую и здравый умъ любя,
Самъ Государь велитъ печатать безъ тебя!
Остались намъ стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутныя цвѣты...
О варваръ! кто изъ насъ владѣтель русской лиры —
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры!
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ,
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца, порывъ столь чистый, благородный,
Ничто не трогаетъ души твоей холодной.....
На все кидаешь ты косою невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ, во всемъ ты видишь ядъ!
Оставь пожалуй трудъ ни мало не похвальный;
Парнасъ не монастырь, и не гаремъ печальный;
А право, никогда искусный коновальъ
Излишней пылкости Пегаса не лишалъ:
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ: чьи забавы
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,

Тотъ незнакомъ тебѣ, — мы знаемъ почему,
И рукопись его не погибая въ летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шуточныхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ
И Пушкина стихи въ печати не бывали,
Что нужды? ихъ и такъ иные читали.
Но ты свое несешь, и въ нашъ премудрый вѣкъ
Едвали Шаликовъ не вредный человекъ!
Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ,
Свой долгъ, свои права, пойдешь инымъ путемъ.
Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходный —
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица!
Державинъ, бичъ вельможъ при звукѣ громкой лиры,
Ихъ горделивые разоблачилъ кумиры!
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ?
Наперстникъ душеньки двусмысленно шутилъ —
Киприту иногда являлъ безъ покрывала,
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала...
Ты что-то хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко-бъ раздѣлались они?
Ты въ этомъ виноватъ? Передъ тобой зеркало

Дней Александровыхъ прекрасное начало!
 Повѣдай, что въ тѣ дни произвела печать?
 На поприщѣ ума нельзя намъ отступать,
 Старинной глупости мы праведно стыдимся;
 Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
 Когда никто не смѣлъ отечество назвать
 И въ рабствѣ ползали и люди и печать!
 Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло губительное время:
 Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
 Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ!
 Исправся жъ, будь умнѣй и сбрось вражды ты бремя.

„Но можноть цензору по совѣсти судить?
 Конечно вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
 Я долженъ то того, то этого бранить!
 Читаю, да крещусь, мараю на удачу.
 На все есть мода, вкусъ; бывало напримѣръ:
 У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
 А нынѣ и Милотъ попался въ наши сѣти!“
 Я бѣдный человекъ, къ тому жъ жена и дѣти!“
 Жена и дѣти, другъ, повѣрь большое зло,
 Отъ нихъ все скверное у насъ произошло;
 Но дѣлать нечего! Такъ если невозможно
 Тебѣ скорѣй домой убраться осторожно
 И службою своею ты нуженъ для царя,
 Хотъ умнаго себѣ возьми секретаря!

Льву сергѣевичу Пушкину.

Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
Не лишенъ разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

А. Пушкинъ.

На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной.

Ахъ тетушка! ахъ Анна Львовна
Василья Львовича сестра!
Ты къ папенькѣ была любовна,
Ты къ маменькѣ была добра.

Тебя Василій Львовичъ кровный
Встрѣчалъ всегда среди двора,
Тебя Елизавета Львовна
Любила больше серебра.

Давно ли съ Ольгою Сергѣвной,
Со Львомъ Сергѣичемъ давноль —
На зло судьбинѣ самой гнѣвной —
Дѣлила ты и хлѣбъ и соль?

Но вотъ уже Василій Львовичъ
Стихами гробъ твой окропилъ...
Зачѣмъ стихи его поповичъ,
Дуракъ Красовскій, пропустилъ!

1830.

А. Пушкинъ.

Конецъ.

- а а

8/III 930

Даровано Вручено

Падарунак музею М. П. Шевченка
від товариства Вєвлонда Фванова
• Миколи Гачкан
1915/II 41 р.

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Пєца.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.

Д. М. П. 4-8